

„ГАМЛЕТ — ИДЕАЛ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ДУХА“

Трагедия В. Шекспира «Гамлет» идет на сцене театра имени Вл. Маяковского давно. Московские театры помнят Гамлета — Евгения Самойлова, Гамлета — Михаила Казакова. А в последние годы в театральную жизнь Москвы вошел Гамлет Эдуарда Марцевича. О нем много писали и в театральной, и в общественной прессе. Согласитесь, было небезынтересно встретиться и побеседовать с молодым артистом.

Представьте себе молодого мужчину, на вид совсем юношу, выше среднего роста, блондина, с тонкими чертами лица, которое освещают серые, чуточку усталые глаза. Впрочем, усталость оказалась следствием футбольной «болезни». Эдуард почти всю ночь проболел у телевизора, наблюдая первый матч чемпионата мира Англия — Уругвай.

— Вот это была игра! Никогда такой не видел. Играли, как черти. Особенно англичане. Просто балерины какие-то. Но уругвайцев не пробьешь.

Спохватившись, Эдуард замолчал. О матче можно говорить много. Но интервью есть интервью. Да и времени в обрез.

Эдуард Марцевич говорил, тщательно взвешивая и обдумывая каждое слово. Это было размышление вслух.

— **Расскажите сначала о себе.**

— Родился в Вильнюсе. Отец — актер. В школе я занимался самодеятельностью: ставил спектакли и играл в них. На одном из вечеров классики исполнил роль Ромео в отрывке из

«Ромео и Джульетта» Шекспира.

Потом поступил в театральное училище им. Щепкина при Малом театре. На первом курсе в 1956 году я увидел на сцене театра Н. П. Охлопкова «Гамлет». И «заболел» им. Фанатически

учил текст, сцены. Стал ходить по судам.

— **Зачем?**

— Меня интересовала тема исповеди души человеческой. Ведь на суде хочешь не хочешь — говори все, как есть. Затем со студенткой нашего курса приготовил «сцену с матерью». И показал ее своему руководителю Г. Н. Дмитриеву. К моему удивлению, мне позволили работать самостоятельно над Гамлетом. Весь 3 курс я посвятил работе над этой труднейшей ролью. Сейчас ясно, что тогда все это носило характер одержимости, болезни — желание принять облика героя, очертить его нервы в теле. Но кончить училище Гамлетом я не надеялся. Слишком было рискованно. Сделал перерыв. Снялся в роли Арнадия Кирсанова в фильме «Отцы и дети». Вернулся из Ленинграда в Москву, стал играть Шарля Гранде. И вот дипломный спектакль, роль Алексея в «Оптимистической трагедии». Следом произошла встреча с Николаем Павловичем Охлопковым. Он увидел сцену из «Гамлета» и предложил сыграть его в театре Маяковского. И месяца через четыре, на гастролях в Горьком, меня выпустили на сцену. А 16 октября 1959 года я впервые сыграл Гамлета в Москве. Прошло семь лет. И все эти годы я играю удивительную жизнь, удивительную судьбу. И каждый раз повто-

рение предыдущего невозможно. Годы, конечно, называются. Прошедшие семь лет были годами формирования и характера, и творческой индивидуальности. Были юношеские, пылкие спектакли, и были поиски, может быть, загибы, может быть, совсем не то.

Но могу честно сказать, что суть этой роли я еще не до конца постиг. Работа будет продолжаться.

Гамлет — это роль противоречия «физики» и ума, юношеских плеч и седой головы. Поэтому, естественно, она имеет самые противоречивые толкования. Каждый возраст, каждое поколение имеют свое представление об идеале. А для меня Гамлет — идеал человеческой природы, духа. Гамлет — фигура не историческая, его чувства и поступки ассоциируются с современным. Он в любом обществе. Он не может быть злободневен в узком понимании слова. Он — общечеловеческое явление.

Гамлет и сегодня зовет человека к великой правде, победе сердца и разума. Мне трудно представить роль более современную.

— **Какая тема в Гамлете вам ближе?**

— Я зарылся охлопковским спектаклем. А он своеобразен и отличен от всех других, поставленных в нашей стране или в Англии, Франции, Германии, Италии. Я разделяю охлопковское понимание Гамлета. Меня

волнует в нем прежде всего бунтарское начало.

Охлопков ставил так: «Дания — это тюрьма. И Гамлет — пленник этой тюрьмы, пленник, познающий всю мерзость окружающего мира. И в силу своей природы, не соответствующей этому миру, он не может примириться, не может не бороться. Понимая жизнь в общем ключе, общечеловеческом смысле, он не может поступить иначе. Именно в этом величие трагедии. Только разум сдерживает Гамлета. Поэтому появляется монолог «Быть или не быть?», замедленность поступков. Но все же он идет на бой.

Гамлет погибает, но его жизнь становится примером многим и многим поколениям будущего.

— **А как вы относитесь к ролям в пьесах на современную тему? Какие из них вам особенно дороги?**

— Мне близок Сергей из «Иркутской истории», Павел из «Современных ребят». Вообще, в каждую роль хочется принести тему светлого, хорошего начала в человеческой личности.

— **Ваши ближайшие планы?**

— Планы у меня есть. И мечты большие. Но говорить о них не будем. Я человек суверенный. Вот недавно снялся в «Войне и мире» в роли Бориса Друбецкого. Но кинематограф все-таки в стороне. Главное — театр.

О. АРТЮХОВ.

«НОВОСТИ»
г. ФРУНЗЕ
15 июля 1966